

БОРИС УСПЕНСКИЙ

Этюды о русской истории

Издание второе

ПАЛ Ы М И Р А
Т8 ИЗДАТЕЛЬСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ

Москва / Санкт-Петербург

2 0 2 3

УДК 930.85
ББК 71.1
У77

Успенский Б.

У77 Этюды о русской истории : [сборник] / Борис Успенский. — М. ; СПб. : «Т8 Издательские Технологии» / «Пальмира», 2023. — 474 с. — (Серия «Пальмира — университет»).

ISBN 978-5-517-09424-7

«Этюды о русской истории» — сборник статей Бориса Успенского, объединенных общим подходом к культурно-историческим исследованиям. Автор рассматривает исторический процесс с точки зрения его участников, реконструирует системы представлений в историческом контексте и разрабатывает теорию восприятия времени как семиотической проблемы. С этих позиций в книге разбираются доктрина «Москва — третий Рим», самозванчество в России, церковный раскол, русская интеллигенция как специфический феномен русской культуры и многие другие темы. Книга адресована историкам, филологам, социологам, а также широкому кругу читателей, интересующихся историей культуры в России.

УДК 930.85
ББК 71.1

ISBN 978-5-517-09424-7

© Успенский Б. А., 2023
© Оформление.
АО «Т8 Издательские Технологии», 2023

СОДЕРЖАНИЕ

Вместо введения. ИСТОРИЯ И СЕМИОТИКА	
<i>Восприятие времени как семиотическая проблема</i>	7
HISTORIA SUB SPECIE SEMIOTICAE	75
ВОСПРИЯТИЕ ИСТОРИИ В ДРЕВНЕЙ РУСИ И ДОКТРИНА «МОСКВА — ТРЕТИЙ РИМ»	87
ЦАРЬ И САМОЗВАНЕЦ	
<i>Самозванчество в России как культурно-исторический феномен</i> . .	147
СВАДЬБА ЛЖЕДМИТРИЯ	195
ЛИТУРГИЧЕСКИЙ СТАТУС ЦАРЯ В РУССКОЙ ЦЕРКВИ: ПРИОБЩЕНИЕ СВ. ТАЙНАМ	
<i>Историко-литургический этюд</i>	227
ДРЕВНЕРУССКОЕ БОГОСЛОВИЕ: ПРОБЛЕМА ЧУВСТВЕННОГО И ДУХОВНОГО ОПЫТА	
<i>Представления о рае в середине XIV в.</i>	277
РАСКОЛ И КУЛЬТУРНЫЙ КОНФЛИКТ XVII ВЕКА	311
К ИСТОРИИ ТРОЕПЕРСТИЯ НА РУСИ	359
ЭПИЗОД ИЗ ДЕЛА ПАТРИАРХА НИКОНА	
<i>Страничка из истории греческо-русских церковных связей</i>	369
РУССКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ КАК СПЕЦИФИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ	391
Библиографическая справка	412
Принятые сокращения	414
Литература	415

Вместо введения ИСТОРИЯ И СЕМИОТИКА

ВОСПРИЯТИЕ ВРЕМЕНИ КАК СЕМИОТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

Признаюсь Тебе, Господи, я до сих пор не знаю, что такое время, но признаюсь, Господи, и в другом: я знаю, что говорю это во времени... Каким же образом я это знаю, а что такое время, не знаю? А может быть, я не знаю, каким образом рассказать о том, что я знаю?

Августин. Исповедь, XI, 32

§1. Мы начнем эту работу с предварительных замечаний терминологического характера. Наша работа, как явствует из ее названия, посвящена отношению семиотики и истории: речь пойдет о семиотике истории или, точнее, о том, что такое история с точки зрения семиотики. При этом как термин «семиотика», так и термин «история» нуждаются в уточнении: в самом деле, каждый из этих терминов может пониматься существенно различным образом.

Совершенно ясно, вообще говоря, что семиотика — это наука о знаках, тогда как история — это наука о прошлом. Это, безусловно, верно; однако и то и другое определение явно недостаточно.

Действительно, семиотика — это наука о знаках. Но знак может рассматриваться сам по себе, независимо от процесса коммуникации, или же как часть некоторой системы, на которой осуществляется коммуникация; эта система знаков, выступающая как средство коммуникации, определяется как язык (при этом естественный язык выступает как одна из разновидностей языка в широком семиотическом смысле). Иначе говоря, знак может связываться как со значением (в самом широком смысле), так и с сообщением, обусловленным актом коммуникации.

Итак, целесообразно различать семиотику знака и семиотику языка как знаковой системы; первая

восходит к Пирсу и Моррису, вторая — к Соссюру. Тем самым можно различать два направления в семиотике, которые условно могли бы быть определены как «логическое» и «лингвистическое».

В одном случае внимание исследователя сосредоточено на изолированном знаке, то есть на отношении знака к значению (к смыслу и денотату), к другим знакам, к отправителю и получателю сообщения и т. п. В этом смысле мы можем говорить о семантике, синтактике и прагматике знака, о структуре знака; мы можем различать иконические и символические знаки, знаки-индексы и т. п. и исследовать процесс *с е м и о з и с а*, то есть превращения не-знака в знак.

В другом случае исследователь сосредоточивает свое внимание не на отдельном знаке, но на языке как механизме передачи информации, пользующемся определенным набором элементарных знаков.

Таким образом, в первом случае знак рассматривается в принципе безотносительно к акту коммуникации, во втором же случае знаковость, семиотичность определяется участием в коммуникационном процессе, то есть предстает как производное от этого процесса¹.

Так обстоит дело с термином «семиотика». Что касается термина «история», то и он также может иметь по меньшей мере два смысла — под «историей» может пониматься либо *res gestae*, то есть совокупность происшедших событий, либо *historia rerum gestarum*, то есть повествование о происшедшем, своего рода нарративный текст².

* * *

§2. Существуют разнообразные возможности объяснения исторических событий, и, соответственно, одни и те же события могут получать различную интерпретацию — в частности, государственно-политическую, социально-экономическую, культурно-семиотическую и др. За каждым из этих объяснений стоит, очевидно, определенная модель исторического процесса, то есть некоторое представление о его сущности. Это разнообразие

интерпретационных возможностей отражает, по-видимому, реальную сложность исторического процесса: иными словами, разнообразные объяснения не отрицают, а дополняют друг друга. В самом деле, если историческое событие поддается разным объяснениям, это означает, можно думать, что различные импульсы сошлись в одной точке и привели к одному результату (создавая, так сказать, эффект резонанса, взаимного усиления). Сама возможность различных объяснений может отражать, таким образом, реальную, объективную неслучайность рассматриваемого события.

Культурно-семиотический подход к истории предполагает апелляцию к внутренней точке зрения самих участников исторического процесса: значимым признается то, что является значимым с их точки зрения. Речь идет, таким образом, о реконструкции тех субъективных мотивов, которые оказываются непосредственным импульсом для тех или иных действий (так или иначе определяющих ход событий). Само собой разумеется, что эти субъективные мотивации могут отражать более общие объективные закономерности. Как бы то ни было, исследователя интересуют в данном случае причинно-следственные связи на том уровне, который ближайшим образом — непосредственно, а не опосредствованно — соотнесен с событийным (акциональным) планом. Поведение социума, реагирующего на те или иные события, может рассматриваться в тех же категориях, если трактовать социум как коллективную личность. Ведь даже если предполагать наличие каких-то объективных закономерностей, определяющих ход событий, наши действия непосредственно обусловлены не ими, а нашими представлениями о событиях и их связи.

Такой подход предполагает, в свою очередь, реконструкцию системы представлений, обуславливающих как восприятие тех или иных событий, так и реакцию на эти события. В семиотической перспективе исторический процесс может быть представлен, в частности, как процесс коммуникации, при котором постоянно поступающая но-

вая информация обуславливает ту или иную ответную реакцию со стороны общественного адресата (социума). В данном случае принципиально неважно, кто является адресантом, отправителем сообщения. Им может быть то или иное лицо, принадлежащее данному социуму (исторический деятель), — тогда исторический процесс предстает как коммуникация между социумом и индивидом [ср. в этой связи: Б. Успенский, 1976/1996 — наст. изд., 75 и сл.]; в других случаях речь может идти о реакции на события, обусловленные внешними силами. Таким образом, исторический процесс может представлять как коммуникация между социумом и индивидом, социумом и Богом, социумом и судьбой и т. п.; во всех этих случаях важно, как осмысляются соответствующие события, какое значение им приписывается в системе общественного сознания.

Итак, с этой точки зрения важен не объективный смысл событий (если о нем вообще можно говорить), а то, как они воспринимаются, читаются. Восприятие тех или иных событий как значимых — независимо от того, являются ли они продуктом знаковой деятельности, — выступает в этих условиях как ключевой фактор: то или иное осмысление событийного текста предопределяет дальнейшее развитие событий.

В качестве кода выступает при этом некоторый «язык» (этот термин понимается, разумеется, не в узком лингвистическом, а в широком семиотическом смысле), определяющий восприятие тех или иных фактов — как реальных, так и потенциально возможных — в соответствующем историко-культурном контексте. Таким образом, событиям приписывается значение: текст событий читается социумом. Можно сказать тогда, что в своей элементарной фазе исторический процесс предстает как процесс порождения новых «фраз» на некотором «языке» и прочтения их общественным адресатом (социумом), которое и определяет его ответную реакцию.

В результате такого прочтения текст может тем или иным образом переосмысляться общественным адресатом; естественно при этом, что в своей реакции адресат